

УДК 81'27:[811.161.1'06+811.161.3]:004.738.5

Т. В. Бобко,
кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ

ТИПОЛОГИЯ И ЧАСТОТНОСТЬ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ КОММЕНТАРИЕВ В РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ

Исследование метакоммуникации стало одним из популярных направлений современной лингвистики и затрагивает самые разнообразные проблемы метакоммуникативной деятельности. С другой стороны, отмечается рост метакоммуникативных сообщений в разных ситуациях коммуникации, в том числе в неофициальном общении, что связано с распространением интернет-технологий и специфическим влиянием Интернета на интенсивность метаязыковой рефлексии носителей языка (подробнее об этой тенденции см. в [1]). Массовое интернет-общение позволяет непосредственно наблюдать метакоммуникативную рефлексии носителей языка: «Новая среда нашего языкового существования – Интернет – стала одновременно новой питательной средой для обыденного метаязыкового сознания» [2].

Цель данной статьи – выявить частотность метакоммуникативных комментариев разных типов в русско- и белорусскоязычном интернет-общении на неспециализированных форумах, фиксирующих спонтанную речевую деятельность и позволяющих выявить «высказывания, творимые в свободном дискурсе, по поводу конкретных языковых выражений» [3, с. 12]. Термин «метакоммуникация» мы используем в широком смысле: для обозначения любой рефлексии над вербальным общением; чтобы обозначить рефлексии над коммуникативным поведением адресанта / адресата, мы используем термин «собственно метакоммуникация»; таким образом, метакоммуникация включает метаязыковые, метатекстовые и собственно метакоммуникативные сообщения.

Для определения соотношения разнородных метакоммуникативных комментариев в интернет-дискурсе была разработана их классификация на следующих основаниях: направленности на свою или чужую речь (рефлексивности / нерефлексивности высказывания) и референта высказывания. Параметр «рефлексивность / нерефлексивность» позволяет оценить, какие факты своей / чужой речи замечают говорящие. Термин «рефлексивное высказывание» мы употребляем в зна-

чении «комментарий, направленный на собственную речь» (см. такое употребление этого термина в [4]), отличным от значения этого термина в работах И. Т. Вепревой [5] или М. Р. Шумариной [6], где он обозначает любой метакомментарий.

Частотность русско- и белорусскоязычных рефлексивных и нерефлексивных высказываний сильно различается (таблица 1).

Таблица 1 – Соотношение рефлексивных и нерефлексивных комментариев

Тип комментария	Русский язык	Белорусский язык
Рефлексивный	53 %	72 %
Нерефлексивный	47 %	28 %

Большее внимание белорусскоязычных коммуникантов к собственным высказываниям связано с разницей коммуникативных ситуаций, в которых используются в интернет-пространстве русский и белорусский языки: белорусский язык выступает как символ национальной культуры, а русский – как привычное средство общения. Поэтому русскоязычные коммуниканты обращают больше внимания на чужую речь (как правило, это происходит при нарушении норм общения), а белорусскоязычные – на собственную речь, стараясь приблизить ее к языковому и коммуникативному идеалу.

На основании референта высказывания, которое может относиться к языку, тексту сообщения или коммуникативному поведению, различаются метаязыковые, метатекстовые и собственно метакоммуникативные сообщения. Частотность как рефлексивных, так и нерефлексивных высказываний этих типов почти не отличается (таблица 2–3).

Таблица 2 – Соотношение рефлексивных метаязыковых, метатекстовых, собственно метакоммуникативных комментариев

Тип комментария	Русский язык	Белорусский язык
Метаязыковой	14 %	17 %
Метатекстовый	46 %	41 %
Собственно метакоммуникативный	40 %	42 %

Таблица 3 – Соотношение нерелексивных метаязыковых, метатекстовых, собственно метакоммуникативных комментариев

Тип комментария	Русский язык	Белорусский язык
Метаязыковой	7 %	7 %
Метатекстовый	60 %	66 %
Собственно метакоммуникативный	33 %	27 %

Есть явное сходство в соотношении русско- и белорусскоязычных метакоммуникативных комментариев разных типов. Видимо, метакоммуникация, функция которой – «задавать и постоянно актуализировать ту систему координат, в рамках которой осуществляется, регулируется и оценивается вся речевая деятельность» [4, с. 22], занимает в ней определенное место, при этом доли метаязыкового, метатекстового и собственно метакоммуникативного компонента будут примерно одинаковы. Релексивные высказывания отличаются от нерелексивных большим количеством метаязыковых и собственно метакоммуникативных и меньшим количеством метатекстовых комментариев.

Однако при общем совпадении частотности указанных трех компонентов метакоммуникации есть важные различия в функционировании комментариев более частных типов. Дело в том, что «чистые» примеры метаязыковых, метатекстовых или собственно метакоммуникативных сообщений встречаются не так часто; обычно говорящий не только констатирует факты, но одновременно извиняется за вмешательство в ход беседы, указывает на поведение адресата, поясняет свое намерение и др. Так, высказывание *Это вкратце* – это «чистый» метатекстовый комментарий, а высказывание *Я об этом не хочу говорить, извините* имеет еще дополнительный маркер собственного коммуникативного поведения говорящего, который не только отказывается от продолжения дискуссии, но и считает нужным извиниться за это. Возможны четыре модели метакоммуникативных комментариев:

- 1) одиночный комментарий, который содержит только метаязыковой, метатекстовый или собственно метакоммуникативный маркер (далее ОК): *забыла, как оно называется*;
- 2) комментарий + дополнительный маркер собственного поведения (далее К+СП): *Можу я некараэктна напісала, прабацце*;
- 3) комментарий + дополнительный маркер чужого поведения (далее К+ЧП): *Только не бросайте тапками: это просто пример*;
- 4) комментарий + два дополнительных маркера вместе (далее К+СП, ЧП): *Калі ёсць*

памылкі ў маіх постах – папраўляйце мяне смела, буду дзякаваць;

Рассмотрим реализацию этих моделей в русско- и белорусскоязычной метакоммуникации. На первом этапе исследования была сопоставлена их частотность в релексивных и нерелексивных высказываниях (таблица 4).

Таблица 4 – Соотношение моделей релексивных комментариев

Тип модели	Русский язык	Белорусский язык
ОК	64 %	65 %
К+СП	22 %	23 %
К+ЧП	11 %	10 %
К+СП, ЧП	3 %	2 %
Всего	966	568

Распределение моделей метакомментариев в русско- и белорусскоязычных релексивных высказываниях имеет очевидное сходство. Самая частотная модель и русско-, и белорусскоязычных релексивных высказываний – одиночный комментарий: говорящий чаще всего констатирует определенные факты своей речи: объясняет выбор языковой формы, сообщает тему текста, вводит примеры, вербализирует коммуникативные намерения и т. п. При этом дополнительные маркеры собственного или чужого поведения часто становятся избыточными. Следует отметить, что дополнительный маркер собственного поведения встречается почти в два раза чаще, чем дополнительный маркер чужого поведения, а самая нечастотная модель – с двумя дополнительными маркерами, что объясняется сложностью построения подобного высказывания в спонтанной коммуникации.

Нерелексивные высказывания, в отличие от релексивных, обнаруживают не только сходство, но и различия (таблица 5).

Таблица 5 – Соотношение моделей нерелексивных комментариев

Тип модели	Русский язык	Белорусский язык
ОК	27 %	47 %
К+СП	50 %	43 %
К+ЧП	12 %	7 %
К+СП, ЧП	11 %	3 %
Всего	853	223

Значительно различается соотношение одиночных комментариев и комментариев с дополнительным маркером собственного поведения в русскоязычных высказываниях. Это можно интерпретировать как стремление говорящего с помощью дополнительных оценок собственного коммуникативного поведения несколько смягчить эффект от неожиданных комментариев речи собеседника: устранить категоричность, придать эффект

кооперативности и т. д. Но в белорусскоязычных высказываниях одиночный комментарий преобладает, хотя и незначительно, при существенном различии частотности русско- и белорусскоязычных одиночных комментариев, что связано с той тенденцией в белорусскоязычной интернет-коммуникации, которую подметила известный культуролог Ю. В. Чернявская, назвав типичного белорусского пользователя Интернета «информационным одиночкой» [7]: он неохотно выходит за пределы собственного информационного пространства, предпочитает выражать свое мнение, не вступая в контакт с собеседником. Эта тенденция отражается и в том, что в белорусскоязычных неререфлексивах уделяется меньше внимания поведению собеседника: частотность дополнительных маркеров чужого поведения намного ниже, чем в русскоязычных неререфлексивах.

На втором этапе исследования было проведено сравнение активности указанных моделей среди метаязыковых, метатекстовых и собственно метакоммуникативных комментариев как рефлексивного, так и неререфлективного типа. Рассмотрим рефлексивные высказывания (таблица 6).

Наименьшее число одиночных комментариев используется в рефлексивных метаязыковых высказываниях, при этом данная модель намного частотнее в русскоязычной общении. Что касается моделей с дополнительным маркером собственного и чужого поведения, то первая наиболее частотна в русскоязычных метатекстовых высказываниях, а вторая – и в русско-, и в белорусскоязычных собственно метакоммуникативных

высказываниях, при этом в русскоязычных комментариях эта модель преимущественно применяется в собственно метакоммуникативных высказываниях. Модель с обоими маркерами не используется ни в русско-, ни в белорусскоязычных собственно метакоммуникативных комментариях, что связано с избыточностью в этом случае дополнительных маркеров. Наибольшие различия мы наблюдаем в распределении разных моделей среди метаязыковых комментариев: в белорусскоязычной метакоммуникации намного чаще, чем в русскоязычной, эти комментарии сопровождаются дополнительными маркерами собственного и чужого поведения; наибольшая частотность модели с обоими маркерами также приходится на белорусскоязычные метаязыковые комментарии, что совершенно нетипично для русскоязычных комментариев этого типа.

Далее перейдем к неререфлективным высказываниям (таблица 7).

В распределении моделей метакоммуникативных комментариев по неререфлективным высказываниям есть значимые сходства. Все четыре типа моделей наиболее частотны в метатекстовых высказываниях (исключение составляют только модели с дополнительным маркером собственного поведения в русскоязычных метатекстовых высказываниях), а модели с дополнительным маркером чужого поведения и с обоими маркерами не встречаются в собственно метакоммуникативных высказываниях. Модели с дополнительным маркером чужого поведения и с обоими маркерами нечастотны среди метаязыковых высказываний.

Таблица 6 – Активность моделей рефлексивных комментариев

Тип модели	Русский язык				Белорусский язык			
	метаязыковые	метатекстовые	собственно метакоммуникативные	Всего	метаязыковые	метатекстовые	собственно метакоммуникативные	Всего
ОК	16 %	42 %	42 %	610	5 %	47 %	48 %	372
К+СП	15 %	71 %	14 %	218	40 %	40 %	20 %	130
К+ЧП	1 %	2 %	97 %	105	33 %	2 %	65 %	55
К+СП, ЧП	7 %	93 %	-	29	73 %	27 %	-	11

Таблица 7 – Активность моделей неререфлективных комментариев

Тип модели	Русский язык				Белорусский язык			
	метаязыковые	метатекстовые	собственно метакоммуникативные	Всего	метаязыковые	метатекстовые	собственно метакоммуникативные	Всего
ОК	13 %	62 %	25 %	231	3 %	75 %	22 %	105
К+СП	3 %	43 %	54 %	423	11 %	50 %	39 %	95
К+ЧП	13 %	87 %	-	100	6 %	94 %	-	16
К+СП, ЧП	3 %	97 %	-	98	4 %	86 %	-	7

На третьем этапе исследования проводилось сравнение состава метаязыковых, метатекстовых и собственно метакоммуникативных высказываний рефлексивного (таблица 8) и нерефлексивного (таблица 9) типов.

Все три типа рефлексивных высказываний чаще всего выражаются с помощью одиночного комментария; исключение составляют только белорусскоязычные метаязыковые высказывания, в которых чаще применяется комментарий с дополнительным маркером своего поведения. Сходство есть и в использовании моделей с дополнительным маркером чужого поведения и обоими маркерами: первая почти не используется в метатекстовых комментариях, а вторая не встречается в собственно метакоммуникативных высказываниях. Значимые различия связаны с составом метаязыковых высказываний: белорусскоязычные метаязыковые комментарии, в отличие от русскоязычных, чаще используют дополнительный маркер как собственного, так и чужого поведения, а также модель с обоими маркерами. В русскоязычных рефлексивах обе модели с дополнительными маркерами чужого поведения чаще встречаются в составе метатекстовых и собственно метакоммуникативных высказываний, а в белорусскоязычных, наоборот, – в составе метаязыковых высказываний.

Нерефлексивные высказывания также имеют ряд важных сходств: собственно метакоммуникативные высказывания не имеют в своем составе моделей с дополнительным маркером чужого поведения и с обоими маркерами; чаще всего эти высказывания содержат дополнительный маркер собственного поведения. В составе метаязыковых и метатекстовых высказываний чаще всего используются одиночный комментарий и модель с дополнительным маркером собственного поведения. В целом обе модели с дополнительным маркером чужого поведения более

частотны в русскоязычных комментариях, чем в белорусскоязычных. Наибольшие различия мы видим в частотности одиночных комментариев и моделей с дополнительным маркером собственного поведения среди метаязыковых и метатекстовых высказываний: белорусскоязычные метаязыковые высказывания чаще содержат дополнительный маркер собственного поведения, а метатекстовые, наоборот, чаще бывают одиночными.

Таким образом, в частотности русско- и белорусскоязычных метакомментариев разных типов наблюдаются как сходства, так и различия. Сходство в активности определенных моделей метакомментариев и составе метакоммуникативных высказываний разных типов объясняется сходными представлениями носителей данных языков о коммуникативных нормах, в частности о коммуникативно значимых фактах речи, уместном и оптимально построенном метакомментарии. Различия связаны с большей частотностью рефлексивных высказываний в белорусскоязычном общении, с составом метаязыковых высказываний и частотностью моделей с маркерами чужого поведения: белорусскоязычные собеседники в целом реже используют дополнительные маркеры чужого поведения, но больше внимания уделяют оформлению метаязыковых комментариев в соответствии с ситуацией общения, что обусловлено различием в восприятии русского и белорусского языков: «Ва ўсім свеце чалавек, размаўляючы на роднай мове, проста размаўляе. У нас зусім інакш. Кожны раз, калі на людзях мы прамаўляем па-беларуску, дык не проста сумовімся, а як бы ладзім грамадзянскую акцыю ці мастацкі перформанс» [8, с. 105]. Это влечет за собой повышенное внимание к собственной речи, к ее метаязыковой составляющей и, наоборот, меньшее внимание к коммуникативному поведению партнеров по диалогу.

Таблица 8 – Состав рефлексивных комментариев

Тип модели	Русский язык			Белорусский язык		
	метаязыковые	метатекстовые	собственно метакоммуникативные	метаязыковые	метатекстовые	собственно метакоммуникативные
ОК	75 %	58 %	66 %	20 %	75 %	75 %
К+СП	23 %	35 %	8 %	54 %	23 %	10 %
К+ЧП	1%	1 %	26 %	18 %	1 %	15 %
К+СП, ЧП	1%	6 %	-	8 %	1 %	-
Всего	137	441	388	97	232	239

Таблица 9 – Состав неререфлексивных комментариев

Тип модели	Русский язык			Белорусский язык		
	метаязыковые	метатекстовые	собственно метакоммуникативные	метаязыковые	метатекстовые	собственно метакоммуникативные
ОК	51 %	28 %	20 %	19 %	53 %	38 %
К+СП	22 %	36 %	80 %	69%	33 %	62 %
К+ЧП	22 %	17 %	-	6 %	10 %	-
К+СП, ЧП	5 %	19 %	-	6 %	4 %	-
Всего	60	508	285	16	147	60

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская, Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета / Н. Б. Мечковская // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 165–185.
2. Сидорова, М. Ю. Обыденное метаязыковое сознание в Интернете / М. Ю. Сидорова, Н. А. Стрельникова, О. Н. Шувалова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография; отв. ред. Н. Д. Голев. Ч. 1. – Кемерово; Барнаул, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-391405.html>. – Дата доступа: 15.01.2015.
3. Булыгина, Т. В. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Русский язык сегодня: сб. ст. – М.: Азбуковник. 2000. – Вып. 1. – С. 9–18.
4. Задворная, Е. Г. Метакоммуникативные речевые ходы в обыденно-разговорной коммуникации / Е. Г. Задворная // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2014. – № 3 (70). – С. 22–30.
5. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
6. Шумарина, М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы) / М. Р. Шумарина. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
7. Чернявская, Ю. В. Белорусы: от «тутэйшых» – к нации / Ю. В. Чернявская [Электронный ресурс]. – Минск: ФУАинформ, 2010. – Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/life/158526/>. – Дата доступа: 05.12.2014.
8. Акудовіч, В. В. Код адсутнасці (асновы беларускай ментальнасці) / В. В. Акудовіч. – Мінск: Логвінаў, 2007. – 216 с.

SUMMARY

The article deals with the activity of metacommunicative comments of different types (metalinguistic, metatext and actually metacommunicative; reflexive and non-reflexive) in Russian and Belarusian Internet communication on popular forums of Belarus, fixing spontaneous speech activity of speakers and allows to observe directly their metacommunicative reflection. The author reveals the reasons for the similarities and differences in the expression of metacommunicative intentions by Russian and Belarusian speakers.

Поступила в редакцию 10.03.2015 г.